

Ницше сегодня

Это эссе под названием «Nietzsche ancora oggi» было опубликовано Юлиусом Эволой в журнале «Roma» 28 июля 1971 года.

Кажется, в Италии возрождён интерес к Фридриху Ницше. Одно из очевидных свидетельств этого в том, что Adelphi of Milan опубликовало критический перевод всех его работ; во-вторых, почти одновременно появились две книги: «Ницше» Адриано Ромуальди (Adriano Romualdi), содержащая полное эссе об этом мыслителе, сопровождаемое выборочными фрагментами его сочинений, и перевод превосходно систематизированной работы Роберта Рейнингера (Robert Reininger) «Ницше и смысл жизни». Особенный подход второй из указанных книг приводит нас к озвучиванию следующего вопроса: если отвлечься от восприятия Ницше как видного философа, что его воззрения означают сегодня? или, более строго, какие из его идей всё ещё обоснованы?

Актуальность этой проблемы была освещена Рейнингером, который отметил, что фигура Ницше символична, и его персона в то же время воплощает «тип современного человека, для которого существует лишь борьба, человека, более не имеющего корней в священной почве Традиции, колеблющегося между высотой цивилизации и безднами варварства, ищущего себя; т.е. следующего собственному смыслу, когда смысл существования всего замыкается на нём самом.»

Можно дополнительно характеризовать эту точку зрения в соответствии с проблемой человека периода нигилизма, «нулевой точки всех ценностей», периода, в котором «Бог умер», как объявил Ницше устами Заратустры, и что сегодня, как известно, используется в общей и фактически банальной форме; человека в период, во время которого нет никакой внешней поддержки и в котором – как сказал наш философ – «пустыня растёт».

Таким образом, можно сказать, что Ницше, возможно, представляет интересы исключительно проблемы индивидуальности. Любые интерпретации, утверждающие его отношение к коллективным и политическим проблемам, которые бы очень хотели усмотреть связь между ницшеанскими доктринами и некоторыми политическими движениями прошлого, особенно с гитлеровским

национал-социализмом, и которые считают эти идеи подпитывающими чувство превосходства «Herrenvolk» (то есть, расы господ), связанными с совершенно непонимаемым биологическим расизмом, должны быть отброшены.

Если «сверхчеловек» бесспорно составляет центральную идею всех мыслей Ницше, то он излагается в терминах «сверхчеловека в абсолютном смысле слова», но это не гротеск в стиле д'Аннунцио, и не «белокурая бестия» (одно из сквернейших изречений Ницше), это даже не исключительная индивидуальность, проявляющая максимальную «волю к власти» «по ту сторону добра и зла», однако без света и санкции свыше.

Вместо этого, сверхчеловек в собственном смысле слова, который согласуется с «лучшим Ницше», должен отождествляться с человеческим типом, который даже в нигилистическом, опустошённом, абсурдном и лишённом Бога мире знает, как устоять на ногах, потому что он способен дать себе собственный закон в соответствии с высшей свободой.

Здесь мы должны провести демаркационную линию, которая пролегает между Ницше-«разрушителем», крушителем идолов, «иммориалистом» (он часто использовал последнее обозначение, но только лишь с целью эпатировать, т.к. его презрение касается лишь «мелкой морали» и «морали стада»), и «революцией ничто» (т.е. 1968 г), анархизмом снизу, который свидетельствует о глубочайшем кризисе современного мира. Это естественно, т.к. Ницше абсолютно чужды так называемые «протестные движения» сегодняшнего дня, в то время как он был первым и величайшим из повстанцев. В них нет места человеческой сущности, истинной избирательности – они есть явление плебейское, это раскрывается и в частом их обращении к марксизму и его ответвлениям, с социальными и расовыми труппами, тесно связанные с насилием и разрушением только лишь поверхности субличного и натуралистического слоя существования.

В этой связи будут современны и уместны слова Заратустры Ницше, когда он спрашивает того, кто стремится освободить себя от цепей: «Свободным называешь ты себя?.. Какое дело до этого Заратустре! Но твой ясный взор должен поведать мне: свободный для чего?», помня, что есть случаи, когда единственная ценность, которой обладал человек, была выброшена вместе с цепью. Это ясное предупреждение для тех, кто сегодня только и знает, как говорить о «репрессиях» и кто испытывает истерическую нетерпимость к авторитету любого типа просто по причине того, что они не несут в себе высшего принципа.

Так, ницшеанский тип – это тот, кто поставил «нигилизм за собой», кто по факту «знает, как сделать лекарство из этого яда», тот, кто обладает таким принципом и кто также знает, как сотворить себе закон. В этой связи Рейнингер прав, усматривая в Ницше утверждение «абсолютной» морали, подобной кантовской, и родственность этике древней Стои, которая также выступала за внутреннюю независимость.

Конечно, множество разительно меняющихся позиций, подчас противоречащих друг другу, среди которых Ницше стремился найти свой собственный путь, может увести в совершенно различных направлениях: например, когда Ницше утверждает величие «жизни» или когда он призывает к «верности земному». Верность также и самому себе: быть и желать быть собой; иногда это предлагается в качестве единственного допустимого стандарта поведения в условиях «пустыни, которая растёт». Верный, но опасный путь, известный ещё классической античности задолго до любого «экзистенциализма».

Фундаментальная проблема великой важности состоит в том, что лучшее, что может предложить Ницше, влечёт такую опасность. Вместе со всем, что уже было сказано на этот счёт, человек должен стать для себя законом; это вопрос о том, что индивидуум обнаружит в самом себе, признав предел, достигнутый многочисленными процессами духовного распада, действующими в последнее время: если он взглянет в себя, то увидит естественное отвращение к пошлости и любым низменным интересам, желание добровольной, ясной дисциплины, способность свободно устанавливать «ценности» и достигать их любой ценой, те ценности, наличие которых – по Ницше – определяет «победителя» (Ueberwinder), человека, который среди множества разрушенных сегодня вещей сам не сломался.

Юлиус Эвола, 28 июля 1971 г.